

DOI: [10.14515/monitoring.2020.6.1694](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1694)

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов, Е. С. Кочухова

В ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ТРЕНДЕ: МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТА В СКВЕРЕ У ТЕАТРА ДРАМЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А., Кочухова Е. С. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 53—72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1694>.

For citation:

Belousov A. B., Davydov D. A., Kochukhova E. S. (2020) Post-Materialist Trend: Motivation for Protests in the Drama Theatre Square in Yekaterinburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 53–72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1694>. (In Russ.)

В ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ТРЕНДЕ: МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОТЕСТА В СКВЕРЕ У ТЕАТРА ДРАМЫ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: davydov_ifp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

КОЧУХОВА Елена Сергеевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: elenascause@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>

Аннотация. В статье на примере событий в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге (май 2019 г.) рассматривается феномен постматериалистического протеста. Опираясь на концепцию Р. Инглхарта, авторы выдвигают тезис о долгосрочном тренде к «постматериализации» протестной активности в современной России. Все реже поводами для открытого выражения гражданами недовольства становятся сугубо социально-экономические причины (пенсионная реформа, бедность, рост цен), и все чаще — политические (борьба за свободу, гражданские права), экологические, культурные и т. д.

POST-MATERIALIST TREND: MOTIVATION FOR PROTESTS IN THE DRAMA THEATRE SQUARE IN YEKATERINBURG

*Alexandr B. BELOUSOV*¹ — *Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher*

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

*Dmitriy A. DAVYDOV*¹ — *Cand. Sci. (Polit.), Research Fellow*

E-MAIL: davydov_ifp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

*Elena S. KOCHUKHOVA*¹ — *Cand. Sci. (Phil.), Senior Researcher, Senior Researcher*

E-MAIL: elenascause@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7329-2046>

¹ Institute of Philosophy and Law, The Urals Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the post-materialist protests in the Drama Theatre park in Yekaterinburg (May 2019). Based on R. Inglehart's concept the authors put forward the idea of a long-term trend towards "post-materialization" of the protest activity in modern Russia. Strictly socio-economic reasons (pension reform, poverty, price increase, etc.) are less common reasons behind the discontent that people openly express; more often people are driven by political (fight for freedom, civil rights), environmental, cultural and other reasons. In particular, actions against the construction in the park attracted much

В частности, в Екатеринбурге борьба против застройки сквера собрала значительно большее количество человек и привлекла большее внимание СМИ, чем протест против пенсионной реформы в августе 2018 г. На основе проведенных совместно со ВЦИОМ полуструктурированных интервью с участниками майских событий в Екатеринбурге ($N = 20$) авторы делают вывод, что мотивация позволяет отнести этот протест к постматериалистическим.

Ключевые слова: протест, мотивация протестного действия, гражданское общество, постматериализм, Р. Инглхарт, Екатеринбург

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 20-411-660027 «Мониторинг и прогнозирование социальных конфликтов в Свердловской области в 2020—2022 гг.»

Авторы также выражают благодарность Валерию Федорову и Алексею Фирсову за совместную работу над инструментарием интервью с участниками протестов в Екатеринбурге.

more people and media attention than the protest against pension reform in August 2018. Using the data of semi-structured interviews conducted jointly with VCIOM and involving 20 participants of the May events in Yekaterinburg, the authors conclude that this protest can be defined as post-materialist in terms of the participants' motivation.

Keywords: protest, Yekaterinburg, motivation of the protest action, civil society, post-materialism, R. Inglehart

Acknowledgments. The article is part of the project supported by the Russian Foundation for Basic Research “Tracking and predicting social conflicts in Sverdlovsk oblast in 2020–2022” no. 20-411-660027. Authors also express gratitude to Valery Fedorov and Alexey Firsov for the joint effort to develop research tools (interview with the protesters in Yekaterinburg).

В современных отечественных исследованиях прогнозы о возможном росте протестной активности отталкиваются преимущественно от анализа социально-экономических противоречий российского общества [Осеев, 2014; Пантин, 2015; Козырев, 2017; Петухов 2016], однако практически не принимается в расчет различие между материалистическими и постматериалистическими¹ мотивами людей [Inglehart, 1977; 1979]. На российском опыте теория постматериализма позволяет объяснить, почему исследователи прогнозируют рост протестной активности на материальной почве (борьба против пенсионной реформы, недовольство бедностью, неравенством и т. п.), а массовые всплески общественного недовольства обуславливаются постматериалистической проблематикой.

¹ Термины «материализм» и «постматериализм» здесь и далее берутся не в философском, а в социологическом значении. Постматериализм — это преобразование индивидуальных ценностей от материалистических, физических и экономических к новым индивидуальным ценностям автономии и самовыражения.

Этот контраст ярко проявился в Екатеринбурге: протест против пенсионной реформы в августе 2018 г. прошел практически незамеченным, в то время как борьба против строительства Храма св. Екатерины в сквере у Театра драмы в мае 2019 г. вышла на уровень федеральной медиаповестки и привлекла внимание зарубежных СМИ. Наш основной тезис заключается в том, что события в сквере у Театра драмы следует характеризовать как *постматериалистический протест*. Мы сформулировали этот тезис на основе анализа полуструктурированных интервью с участниками протеста, проведенными в рамках инициативного исследования ВЦИОМ в августе 2019 г. Для обоснования тезиса в первой части статьи дается краткая характеристика его теоретической основы; во второй приводится обзор существующих исследований рассматриваемого кейса и предлагается краткая хронология протеста; в третьей части рассматриваются постматериалистические черты протеста в Екатеринбурге на основании анализа интервью с его участниками.

Концепция постматериализма в исследованиях феномена протеста

В 1977 г. в работе «Мирная революция» американский политолог Р. Инглхарт показал, что обеспеченных представителей молодежи в западных демократиях все меньше беспокоят сугубо материальные проблемы доходов и безопасности и все больше волнуют проблемы гражданских свобод и экологии [Inglehart, 1977]. Впоследствии Р. Инглхарт на материалах проекта «World Values Survey» («Всемирное исследование ценностей»), реализуемого в более чем ста странах мира с 1981 г. по настоящее время, собрал обширные подтверждения своему тезису: ценности и поведение людей существенно зависят от «экзистенциальной безопасности» (степени удовлетворения базовых потребностей в материальных благах). Высокий уровень экзистенциальной безопасности способствует большей толерантности граждан и демократичности политических институтов, внимание людей смещается к постматериалистическим проблемам, не связанным с выживанием и стремлением к богатству — защите окружающей среды, борьбе за гражданские права, права угнетаемых меньшинств, гендерному равенству и т. д. [Inglehart, 2018].

Концепция Р. Инглхарта нацелена на объяснение «новых общественных движений», о которых писали многие исследователи (Ж. Л. Козн, А. Турен, Э. Лакло, Ш. Муфф, К. Оффе, И. Валлерстайн, М. Кастельс и др.). Как отмечает С. Бюхлер, в то время как в классической марксистской традиции предпочтение отдавалось идее пролетарской революции, уходящей корнями в сферу производства, «теоретики новых социальных движений, напротив, смотрели на другую логику действия, основанную на политике, идеологии и культуре, как на корень многих коллективных действий, и они обращались к другим источникам идентичности, таким как этническая принадлежность, пол и сексуальность, в качестве определяющих коллективной идентичности. Таким образом, термин «новые социальные движения» относится к разнообразным коллективным действиям, которые предположительно вытеснили старое социальное движение пролетарской революции, связанное с классическим марксизмом» [Buechler, 1995: 442].

Концепция постматериализма активно применяется в исследованиях протестной активности, позволяя разделить «старые» и «новые» общественно-полити-

ческие движения. «Старые» ориентированы на материалистические ценности, «новые» — на постматериалистические [Kriesi et al., 1995; Vráblíková, 2015]. В западных демократиях наибольшую протестную активность проявляют именно сторонники постматериалистических ценностей [Henn, Oldfield, Hart, 2017; Theocharis, 2010; Farah, Barnes, Heunks, 1979]. В частности, М. Куаранта эмпирически доказывает, что почти во всех европейских странах граждане, разделяющие постматериалистические ценности, гораздо чаще участвуют в протестных акциях, чем сторонники материалистических ценностей. Нередко речь идет о том, что постматериалисты вдвое чаще участвуют в протестных акциях, нежели материалисты [Quaranta, 2015: 61—62]. Еще один исследователь, С. Кэмерон, во время экономического кризиса 2008 г. зафиксировала парадоксальную ситуацию: во многих странах (к примеру, в США, Австралии, Испании, Нидерландах, Новой Зеландии и др.) снизилось число людей, разделяющих постматериалистические ценности, но при этом материальная нестабильность не вывела протестующих с материалистическими ценностями на улицы. Скорее, протесты по большей части остались областью активности уменьшающегося числа постматериалистов [Cameron, 2013].

Исследователи в России не часто пользуются напрямую концепцией постматериализма Р. Инглхарта², но нередко отмечают такие черты российских протестов, которые позволяют характеризовать их как постматериалистические. Активный интерес отечественных социальных ученых вызвала череда общественных акций 2011—2012 гг. Так, А. Магун обращает внимание, что социальной базой наиболее громких и массовых движений 2011 г. являются отнюдь не обездоленные, рабочие или те, чьи экономические интересы ущемляются; база протеста — молодые и образованные люди, творческая интеллигенция («креативный класс»), а также все те, кто имеет много свободного времени и финансово не зависит от конкретного работодателя (фрилансеры) [Магун, 2014]. «Они называют себя «народом», — пишет А. Магун, — несмотря на объективные признаки, по которым многие из них находятся в высшей имущественной и образовательной страте страны» [там же: 192]. К подобным выводам приходит и Р. Бараш, делая вывод, что «чаще других о необходимости бороться за свои права заявляют <...> наиболее образованные — с двумя высшими образованиями и ученой степенью (57%), хорошо материально обеспеченные (43%) граждане до 45 лет (36%—40%)» [Бараш, 2012: 104—105]. Схожие результаты (протест как прерогатива преимущественно образованных и относительно обеспеченных) получили А. Соколова, М. Головина и Е. Семирханова, изучив социальный портрет участников пяти митингов оппозиции «За честные выборы» в Москве за период с 10 декабря 2011 г. по 10 марта 2012 г. [Соколова, Головина, Семирханова, 2014: 91].

Однако постматериалистический протест определяется не только по значительному числу образованных людей с относительно высоким уровнем дохода среди участников, но главное — по их мотивам. Эти мотивы конституируют «коллективное тело», которое противопоставляет себя власти не материалистически, а ценностно или даже экзистенциально. Согласно исследованию Е. Белокуровой, стремление

² Это можно объяснить тем, что Россия не является страной с преобладающей долей людей, придерживающихся постматериалистических ценностей. Однако в протестных акциях участвуют лишь наиболее активные представители общества.

отстаивать свое «гражданское достоинство» стало одной из значимых тем в требованиях митингующих и в публичных дискуссиях (наряду со стремлением добиться честных выборов) [Белокурова, 2012]. Анализируя «коллективное тело» протеста на основе материалов интервью с участниками митингов, А. Ваньке показывает, что для них была важна общность друг с другом, при этом они приветствовали разнородность социального состава митингующих и разнообразие взглядов внутри движения [Ваньке, 2013, 85—87]. Таким образом, «тело протеста» является коллективным и одновременно множественным, дарит участникам ощущение единства, но и возможность самовыражения. Ценностные мотивы приводят протестующих к экзистенциальному противопоставлению власти. Об этом пишет Е. Соколов, анализируя известный лозунг «Вы нас даже не представляете»: ««Им» (власти?) предъявляется (среди прочих) претензия в недостатке политического воображения, в невозможности помыслить пересекающиеся на митингах жизненные траектории, невозможности встроиться в те практики, войти в те пространства репрезентации, которые определяют для разных людей смысл протеста» [Соколов, 2014]. Данная претензия, очевидно, носит нематериалистический характер.

Если по оценкам исследователей в столичных протестах 2011—2012 гг. участвовали образованные, финансово обеспеченные люди, ценности и цели которых не носили материального характера, то В. Петухов показывает, что эта картина справедлива и для протестов 2019 г. [Петухов, 2019]. По результатам изучения социологических мониторингов за последние пять лет он делает вывод, что наивысшие показатели общественной самоорганизации демонстрируют хорошо обеспеченные россияне с высшим образованием, при этом наиболее инертны граждане, имеющие низкий уровень образования, жители села, а также пожилые люди. В. Петухов выявил, что со второго квартала 2019 г. число протестных акций с политической и экологической повестками стало опережать число «трудовых» протестных акций [там же: 9—12].

Таким образом, социально-экономическое положение протестующих и их мотивация позволяют рассматривать современные российские протесты в оптике постматериализма, в частности акции протеста, проходившие с 13 мая по 20 мая 2019 г. в Екатеринбурге в сквере у Свердловского академического театра драмы (Октябрьская площадь). Существует несколько неформальных вариантов названия этих протестов — «против храма», «за сквер», «скверный протест» и пр. Эти названия, используемые участниками, носят оценочный характер. Чтобы дистанцироваться от подобных оценок, мы будем называть данные события протестом в сквере у Театра драмы.

Длинный путь к противостоянию: история протеста

Прежде чем приступить к анализу интервью с участниками протестов в сквере у Театра драмы, восстановим контекст и предысторию событий, что позволит соотнести высказывания информантов с отдельными этапами развития ситуации, а также рассмотрим существующие на данный момент исследования этого протеста.

События мая 2019 г. были вызваны намерением построить в центре Екатеринбурга, в его исторической части, Собор святой Екатерины. Фактически

это была уже третья попытка возведения Собора. Первые две были встречены недовольством жителей, акциями протеста, в результате чего инициаторы строительства вынужденно отказались от своих замыслов. В 2010 г. Собор планировали восстановить на его историческом месте — площади Труда (пространство площади появилось после сноса Собора в 1930 г.). Для этого необходимо было демонтировать находящийся на площади фонтан «Каменный цветок», что вызвало возмущение широкой общественности, которая в апреле 2010 г. собрала на этом месте митинг численностью более 3 000 человек. При этом отдельным мотивом для протестующих тогда стали слова архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия, который заявил, что «ни один человек, который противился Богу, не скончался своей смертью»³. После митинга власти отказались от согласования строительства Собора на данном месте. Вторая попытка была совершена в 2016—2017 гг., когда благотворительный «Фонд святой Екатерины» предложил проект возведения одноименного храма на насыпном острове в центре городского пруда, что вновь вызвало протесты. На этот раз сформировалась структура для координации борьбы — Комитет городского пруда. Была запущена серия протестных акций, получивших название «Обними пруд», в ходе которых протестующие брались за руки и выстраивались в живую цепочку на набережной. Позиции сторонников и противников строительства широко освещались в местных СМИ [Корюкова, 2018]. На фоне проходившей кампании по выборам губернатора Свердловской области было вновь принято решение о переносе места строительства.

Выбор сквера рядом с Театром драмы в качестве новой площадки для храма поначалу не был замечен широким кругом горожан, однако по мере приближения начала работ по его возведению недовольных становилось все больше. Сообщество «Парки и скверы Екатеринбурга»⁴ сформулировало повестку о том, что городу не хватает зеленых насаждений, поэтому сквер нужно защитить от застройки. В социальных сетях сообщества регулярно появлялись публикации, освещавшие тему планируемого строительства храма. С 21 декабря 2018 г. по 18 января 2019 г. на сайте администрации Екатеринбурга проводились общественные обсуждения по проекту межевания территории под Собор св. Екатерины⁵, где в поддержку его строительства высказалось более 90 % от принявших участия, что еще больше подогрело протест⁶.

15 января 2019 г. представители «Парков и скверов» и местного штаба А. Навального подали в областной избирком ходатайство о регистрации инициативной группы *референдума* по вопросам запрета капитального строительства

³ Антонов С. Храм ведет на улицу // Коммерсантъ. 2010. № 63. 14 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1353136> (дата обращения: 07.12.2020).

⁴ Согласно самоописанию, эта группа объединяет людей, заинтересованных в сохранении и увеличении зеленых насаждений в городе. Распространяет информацию о законах и официальных правилах, регулирующих устройство и содержание зеленых насаждений в городе, консультирует горожан, заинтересованных в сохранении существующих парков, скверов, аллей и т.д. URL: <https://vk.com/parklandekb> (дата обращения: 07.12.2020).

⁵ Общественные обсуждения // Официальный портал Екатеринбург. URL: <https://обсуждения.екатеринбург.рф/discus/64> (дата обращения: 07.12.2020).

⁶ Комаров Д. Мэрия: на общественных обсуждениях 93% граждан выступили за храм святой Екатерины // Znak.com. 2019. 15 февр. URL: https://www.znak.com/2019-02-15/meriya_na_obchestvennyh_obsuzhdeniyah_93_grazhdan_vystupili_za_hram_svyatoy_ekateriny (дата обращения 07.12.2020).

на территории Октябрьской площади, а также других парков и скверов города и области. Избирком одобрил заявку, но Екатеринбургская городская Дума на своем заседании отклонила вопросы референдума. В то же время Дума проголосовала за перевод части земли Октябрьской площади из общественного пользования в религиозное назначение. Действия Думы были восприняты общественностью как нежелание разговаривать с горожанами и попытка преподнести начало строительства храма как уже принятое решение, которое не будет ни с кем обсуждаться⁷. Начались протестные акции, подобные тем, что были в 2017 г. вокруг пруда. Проект строительства все больше критиковался, использовалась антиклерикальная и антиолигархическая риторика, поскольку инициаторами строительства выступили два крупнейших уральских бизнесмена — Алексей Козицын (Уральская горно-металлургическая компания) и Игорь Алтушкин (Русская медная компания), входящие в число соучредителей «Фонда святой Екатерины»⁸. Масла в огонь подлил молебен, проведенный на месте будущего строительства храма. Протестующих возмутило то, что в нем принимали участие московские артисты (в частности, Михаил Пореченков, Сергей Безруков и другие), а также то, что людей привозили на молебен автобусы. Таким образом, обстановка накалялась и становилось понятно, что при начале строительства конфликт войдет в горячую фазу.

13 мая 2019 г. на будущем месте строительства был возведен забор. Почти сразу же в сквер начали стекаться люди, недовольные его установкой. Забор сначала охраняли служащие Росгвардии, затем они по неизвестной причине покинули площадку, и инициаторы строительства вызвали для охраны представителей бойцовских клубов, что усилило напряженность на площадке. Протестующие в какой-то момент смогли сломать часть установленного ограждения⁹. Противостояние продолжалось почти до утра. На следующий день в сквер продолжили приходить люди. Снова предпринимались попытки уронить или сломать забор. Ситуация привлекла внимание российских и зарубежных СМИ и таким образом приобрела федеральный масштаб. Губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев предпринял попытку диалога с протестующими, но она успеха не принесла¹⁰. 16 мая президент РФ Владимир Путин предложил провести опрос, который выявил бы отношение жителей города к строительству храма, администрация города согласилась с этой идеей¹¹. Опрос в довольно сжатые сроки провел ВЦИОМ и выяснил, что 74 % респондентов выступают против возведения Собора св. Екатерины в сквере¹².

⁷ Реутова А. Вопросы не прошли гордому // Коммерсантъ-Урал. 2019. № 35. 27 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3895447> (дата обращения: 07.12.2020).

⁸ Учредители и партнеры // Фонд Святой Екатерины. URL: <http://святаяекатерина.пф/%d1%83%d1%87%d1%80%d0%b5%d0%b4%d0%b8%d1%82%d0%b5%d0%bb%d0%b8-%d0%b8-%d0%bf%d0%b0%d1%80%d1%82%d0%bd%d1%91%d1%80%d1%8b/> (дата обращения: 07.12.2020).

⁹ Забор святой Екатерины: как эволюционировал главный артефакт протеста // Новый день. 2019. 16 мая. URL: <https://newdaynews.ru/ekb/662273.html> (дата обращения: 07.12.2020).

¹⁰ Евгений Куйвашев организует переговоры между сторонниками храма и защитниками сквера // 66.ru. 2019. 14 мая. URL: <https://66.ru/news/society/221631/> (дата обращения: 07.12.2020).

¹¹ Мэрия Екатеринбурга согласилась провести независимый опрос о строительстве храма // Интерфакс. 2019. 16 мая. URL: <https://www.interfax.ru/russia/661423> (дата обращения: 07.12.2020).

¹² Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге // ВЦИОМ. 2019. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9702> (дата обращения: 07.12.2020).

20 мая митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл обратился к руководству «Фонда святой Екатерины» с просьбой убрать забор¹³, и 21 мая он был демонтирован. Так в вопросе строительства храма на данном месте была поставлена точка, после чего начался выбор новой локации. Осенью на общегородском опросе победила площадка Приборостроительного завода.

Протест сразу привлек внимание исследователей, которых интересовало отношение горожан к строительству Храма св. великомученицы Екатерины. 22 мая ВЦИОМ представил данные опроса, по результатам которого был сделан вывод, что «большинство жителей Екатеринбурга считают сквер у Театра драмы неудачным местом для строительства храма»¹⁴. Практически одновременно фонд «Социум»¹⁵ представил результаты своего опроса, согласно которому «52 % горожан выступают категорически против или скорее против строительства храма на месте сквера» [Храм во имя..., 2019]. Российские социологи и политологи, наблюдая за событиями в сквере, предлагали свои объяснительные схемы происходящего. Так, комментируя протест для екатеринбургского сетевого издания URA.RU, социолог Д. Волков назвал значимыми причинами протеста падение авторитета власти, снижение уровня жизни и рост протестных настроений в целом. Там же социолог Г. Юдин проинтерпретировал этот протест как проявление контрдемократии — гражданского недоверия к власти¹⁶.

Протест стал предметом внимания местных и федеральных средств массовой информации. Анализ массива публикаций, предпринятый И. Вепревой и Н. Купиной, показал, что в СМИ были представлены позиции как сторонников, так и противников застройки сквера, при этом материалы носили как эмоционально окрашенный, так и аналитический характер [Вепрева, Купина, 2019]. Отмечая, что в СМИ не прослеживается единый образ протестующих (они описываются и как равнодушные граждане, и как «бесы»), а акции в защиту сквера характеризуются и как стихийные, и как хорошо организованные, И. Вепрева и Н. Купина делают вывод, что в целом в медиадискурсе доминирует тезис о запросе протестующих на диалог с властями [там же].

Исследования как служб изучения общественного мнения, так и отдельных ученых ставят вопрос о целях майского протеста в Екатеринбурге, выделяя при этом либо абстрактные цели, которые предполагаются общими для всех, кто решается на протест в современной России, либо подчеркивая предельно конкретное намерение — не допустить строительства храма в сквере. Так или иначе, на первый план выходят цели, тесно связанные с постматериалистическими ценностями (по Р. Инглхарту), поэтому в нашей работе мы стремимся прояснить мотивацию участников протеста.

¹³ Митрополит Кирилл обратился к застройщикам с просьбой убрать забор // Екатеринбургская Епархия. 2019. URL: <http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/news/2019/05/20/20971/> (дата обращения: 07.12.2020).

¹⁴ Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге // ВЦИОМ. 2019. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9702> (дата обращения: 07.12.2020).

¹⁵ Фонд «Социум» — региональная российская исследовательская компания, существующая с 1996 г. специализируется на маркетинговых, социальных и политических исследованиях.

¹⁶ Колчин Д. Протесты в Шиеесе, Екатеринбурге и Магасе имеют одинаковую причину // URA.RU. 2019. 29 ноября. URL: <https://ura.news/articles/1036279203> (дата обращения: 07.12.2020).

Ценность сквера и значение голоса: анализ интервью

Наше исследование основано на материале 20 полуструктурированных анонимных интервью с участниками протеста¹⁷ в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге 13—20 мая 2019 г. Интервью взяты в августе — сентябре 2019 г., по прошествии чуть более трех месяцев с окончания протестных действий. На тот момент подготавливалось городское голосование по вопросу выбора новой площадки строительства храма.

Гайд интервью содержал вопросы об отношении информантов к российским протестам последних лет, об опыте личного участия в протестах и, в основном, о событиях в сквере: как узнали о протесте, почему решили участвовать, кого увидели среди участников, какие лозунги протеста поддерживали, какие нет, как оценивают действия властей, следят ли за дальнейшим развитием ситуации и т. д. Поиск информантов осуществлялся по методу «снежного кома», однако первые несколько участников интервью не предоставили последующих контактов, мотивируя свой отказ тем, что, возможно, их знакомые не будут заинтересованы во взаимодействии с исследователями¹⁸. Таким образом, из двадцати информантов двенадцать найдено с помощью метода «снежный ком», где максимальная длина цепочки составила три человека. Восемь информантов рекрутированы в сообществе «Парки и скверы Екатеринбурга» социальной сети «ВКонтакте». Число информантов для интервью определялось целями исследования, не подразумевавшими количественные выводы.

Собранные интервью отличаются тем, что информанты обладают сложившимся взглядом на события в сквере. Небольшая часть интервьюируемых знает предысторию этих событий протеста (начиная с идеи восстановления храма на пл. Труда), некоторые из них на момент интервью следили за выбором новой площадки под строительство и за судебными процессами над участниками протеста.

Говоря о мотивах, побудивших их прийти отстаивать сквер, информанты прежде всего выражают недовольство посягательством на пространство, с которым они связывают личные истории, которое они считают своим и разделяют с другими горожанами:

На самом деле я просто здесь живу, я очень близко живу, и меня это касается все очень. А так как я живу в этом районе, наверное, уже получается где-то лет 15, то, скажем так... для меня место такое, как двор, как свой личный двор. (Инф. 11)

¹⁷ В статье далее будут использоваться цитаты из интервью. К цитатам частично применена литературная правка. Информанты обозначены цифрами от 1 до 20. Возраст, пол, сфера занятости расшифрованы далее. Инф. 1 — ж., 42, работник музея; Инф. 2 — ж., 21, студент, бариста; Инф. 3 — м., 24, инженер; Инф. 4 — ж., 25, социальный работник, пиар-менеджер в театре; Инф. 5 — м., 31, представитель сферы IT; Инф. 6 — м., 29, художник; Инф. 7 — ж., 30, флорист; Инф. 8 — м., 24, н. д.; Инф. 9 — м., 30, музыкант; Инф. 10 — м., 31, предприниматель; Инф. 11 — м., 45, предприниматель, владелец автосервиса; Инф. 12 — ж., 35, преподаватель вуза; Инф. 13 — м., 25, выпускник консерватории; Инф. 14 — м., 25, выпускник технического факультета УрФУ; Инф. 15 — ж., 30, преподаватель вуза; Инф. 16 — ж., 35, управляющая частной клиникой; Инф. 17 — м., 33, программист-фрилансер; Инф. 18 — м., 33, специалист по обработке камня; Инф. 19 — ж., 59, психоаналитик; Инф. 20 — м., 55, преподаватель вуза.

¹⁸ Поиск информантов был затруднен нежеланием многих участников давать интервью на фоне неопределенности правовых последствий протестов (после завершения протестов несколько протестующих были привлечены к административной ответственности).

...Мы часто собираемся с друзьями на драме. Это излюбленное городское место. И то, что там церковь. Все началось с чего? Забор поставили — и сразу же люди пришли ломать забор. Но, мне кажется, все возмущены просто были, и я возмутился — и пришел. (Инф. 14)

Сквер рассматривается как безусловная ценность, которая для центра города важнее, чем храм. Те несколько респондентов, которые откровенно возмущались деятельностью Русской православной церкви, не выступали против христианства или против строительства храмов в принципе.

Для меня это такая история: я очень жалела деревья, тогда мне еще не совсем было очевидно, что храм [будут строить]... Казалось, что для города ничего лучше деревьев быть не может — никакие сооружения, никакие постройки не стоят того, чтобы убирать сквер. То есть для меня эта зона с растущими деревьями очень дорога, приятна, необходима. (Инф. 19)

Я сторонник того, чтобы храм построили, я православный. Вместе с тем я считаю, что скверы нам нужны. Он нам необходим в том виде, в котором он сейчас есть. (Инф. 13)

Я лично верю в бога, но здесь храму совсем нет места. Есть другие места в городе, где он был бы необходим. На данном месте, конкретно в сквере, недалеко находится храм На крови, храм Златоуст, есть часовня напротив Главпочтамта, при этом нет ни скверов, ни территорий, где можно отдохнуть от суеты. (Инф. 16)

Часто респонденты говорили, что мнение горожан не было услышано. Это один из ключевых мотивов участия в протестах, в особенности на его последних этапах. Мы не можем достоверно выстроить темпоральную структуру формирования мотивов, однако можем предполагать, что мотив «наше мнение не было услышано» появился по мере развития ситуации, когда власти предприняли ряд шагов, демонстрирующих, что храм будет построен, несмотря на возражения со стороны противников этого.

Граждан отказывались слушать абсолютно, в принципе, это все можно было решить спокойно. Граждане предлагали несколько площадок — услышьте, давайте разберем. Цель была не в этом, цель была в том, чтобы продавить свое, пропихнуть свое, что здесь, и нигде больше. Или посмотреть реакцию, как к этому отнесутся люди. (Инф. 4)

В первую очередь это была их ошибка, в мэрии, у губернатора, потому что они не послушали людей, они допустили эти гражданские столкновения. (Инф. 9)

Мне не понравилось, возмутило то, что власть в ходе вот этого противостояния, оно же началось раньше, еще с первых планов застройки территории, они совершенно людей не слушали. То есть как будто их нет — вот это меня возмутило, и захотелось, что называется, проголосовать ногами, хотя бы так выразить свое мнение. (Инф. 12)

В высказываниях респондентов глухота местных властей к позиции горожан приобретает гипертрофированные формы и описывается метафорически: «они живут в другом мире», «горожане для них — пустое место», «власть думает, что мы ее рабы». Именно гипертрофирование мотива «власть нас не слышит» приводит к радикализации протеста и в конечном счете к тому, что люди выходят на улицы. «Власть нас не слышит» — это еще не вполне достаточный повод для протестов, но, когда люди начинают воспринимать свое положение как подчиненное («рабы», «пустое место») по отношению к тем, кто «живет в другом мире», они не видят иного решения, кроме выхода на улицу. Именно несовпадение жизненных установок, почти онтологические разрывы между жизненными мирами протестующих и власти лежат в основании побудительного мотива к действию, а не отнюдь желание участвовать в неких экономических решениях власти, таких как бюджетные траты¹⁹. Данное противопоставление власти выступает второй, если не первой по значимости стержневой ценностью протестующих помимо несогласия с ликвидацией сквера.

Они — не знаю, с какого уровня начинаются «они», — живут в каком-то другом мире, в другой реальности, не чувствуют, что происходит здесь в жизни, что у нас развиваются инновации, самоорганизация, что у нас люди не бараны, что они осознанно подходят к этому городу и своему месту в нем. (Инф. 15)

Это реакция [губернатора и мэра на протест], опять же, мне кажется, людей, которые не склонны были никак считаться с горожанами. То есть горожане для них — это пустое место, это ничего. То есть они считают, что горожане либо глупые люди, которых задурили госдепом, или что-то вроде того. (Инф. 12)

Сначала людей не слышали, когда была реформа пенсионная, потом не услышали, когда были выборы мэра города, когда были президентские выборы — людей тоже не услышали. Складывается такое впечатление, что власть думает, что мы ее рабы... Но ведь это же не так. (Инф. 16)

Мотив «наше мнение не было услышано» вписывается в постматериалистические ценностные ориентации, среди которых свобода, значимость голоса, гражданская ответственность и т. п. Данный мотив получает развитие в высказываниях респондентов следующим образом. «Власти не услышали, что нам важен сквер» — еще одна часто возникающая в интервью тема. Протест становится способом выразить свою позицию, добиться признания себя в качестве субъекта принятия решений. Быть услышанными — результат протеста не менее важный, чем фактическое сохранение сквера у Театра драмы.

Показали все-таки, что мнение людей — важно. (Инф. 7)

Появилась вера в то, что действительно, если каким-то образом выйти и высказать свое недовольство, то там [во власти] на какие-то проценты даже и прислушаются.

¹⁹ Типичного антиклерикального мотива «построить храм в центре, чтобы деньги зарабатывать» в высказываниях респондентов не просматривалось.

Появилась вера в то, что действительно можно добиться справедливости, что все это было не зря. (Инф. 8)

Приятно осознавать, что ты в своем городе можешь что-то изменить, можешь на что-то подействовать хотя бы небольшим даже каким-то участием. (Инф. 11)

Однако возникает вопрос, была ли у горожан возможность быть услышанными до майского протеста? Многие информанты знали об акциях «обними сквер»²⁰, некоторые участвовали в них, — эти акции привлекли внимание горожан к проблеме застройки сквера, но не внимание городской Думы или администрации к этой проблеме. Про официальные инструменты выражения несогласия с планами застройки сквера слышали лишь некоторые информанты. Прежде всего они вспоминают общественные слушания по проекту строительства храма, считают этот инструмент выражения позиции горожан непрозрачным, легко фальсифицируемым. При этом информанты подменяют в своей памяти события зимы 2019 г. (онлайн-обсуждение на сайте мэрии) событиями 1 декабря 2016 г. (очные слушания по проекту храма на насыпном острове в акватории городского пруда), получившими широкое освещение в местных СМИ.

Кроме того, конечно, были и сопутствующие мотивы: в случае с событиями в сквере вряд ли можно говорить о постматериалистическом протесте «в чистом виде». Так, несколько информантов выразили обеспокоенность социально-экономическими проблемами, участие в протесте в сквере и разговор об этом были для них возможностью в целом выплеснуть накопившееся недовольство. Тем не менее разговор о социально-экономической проблематике заходил, как правило, в тех ситуациях, когда интервьюер задавал наводящие вопросы (например, «Был ли протест в сквере только поводом для выражения широкого недовольства?»).

Также вопрос пенсионной реформы. Ну, вот лично меня волнует, хотя я молодой человек достаточно, но как-то очень-очень за это опасаюсь, лишь бы вообще не отменили... из такого, ну, наверное, даже самого важного для меня, это то, что реальные доходы очень сильно падают у населения... Три года назад, например, 50 000 рублей — и 50 000 рублей сейчас, это абсолютно разные деньги. То есть это и топливо, и там запчасти на автомобиль, и продукты питания, то есть, ну, очень сильно, очень сильно все реально подорожало, а зарплаты остались теми же самыми. (Инф. 8)

Просто, между нами, у нас МРОТ что-то там 14 200, да, по-моему. Ты попробуй выживи на 14 200. Я о чем говорю, именно об отношении государства к людям. (Инф. 10)

Иногда респонденты напрямую говорили, что у людей просто накопились негативные эмоции:

²⁰ Повторяется формат акций 2017—2018 гг. «обними пруд», когда часть горожан стремилась защитить городской пруд от создания насыпного острова и строительства на нем храма св. Екатерины. Участники акции, взявшись за руки, выстраивались в живую цепочку вдоль берега.

Сколько обещали возможностей, сколько обещали реализации каких-то прав, а ничего этого нет. Наша жизнь не улучшается, наша жизнь постепенно перерастает в крепостное право, такое — в новой форме. (Инф. 4)

Это результат очень-очень многих действий, которые в городе и в стране происходят без ведома людей. То есть это и пенсионная реформа, и так далее. Люди тогда не выходили, не понимали. А тут как бы этот забор уже всех взбесил. (Инф. 1)

При этом ни один из респондентов не указал на такие причины возможного «накипевшего» недовольства, как бедность, неравенство, неудовлетворенность трудом или, скажем, влияние сверхбогатых людей на принятие политических решений в стране. Да и пенсионной реформой зачастую возмущались лишь постольку, поскольку ее провели, «не спросив людей». Вообще говоря, для постматериалистического протеста характерен приоритет политической свободы, так как осознавшая себя личность желает быть услышанной, влиять на конкретные решения.

Также респондентам задавали вопросы о возможных личных поводах для участия в протестах в будущем, в качестве них были названы: нарушение прав человека, прав животных, защита окружающей среды, пожары в Сибири, вмешательство государства в личную жизнь граждан, ограничение свободы интернета, потенциальная застройка Исторического сквера в Екатеринбурге, реформа образования, защита населенных пунктов от строительства мусорных полигонов, защита лесов и парков от застройки, серьезные нарушения на выборах, защита представителей сексуальных меньшинств, митинг на пр. Сахарова и «московское дело». Очевидно, что среди полученных ответов доминировала постматериалистическая проблематика.

Только одного респондента мы могли бы охарактеризовать как материалиста. Причины, по которым он готов был бы протестовать, были названы следующие: 1) пересмотр пенсионной реформы; 2) борьба против роста цен на продукты; 3) обоснование роста цен на проезд в городском транспорте; 4) возможный транспортный коллапс в центре города из-за строительства ледового дворца спорта на месте снесенной телебашни. Однако даже здесь ситуация противоречива: на вопрос, испытывает ли он сам какие-то жизненные проблемы, ответ был дан отрицательный:

Стабильность нам уже обеспечили. А что дальше будет? Ну, посмотрим. Сейчас, в общем-то, нечего жаловаться. Работа есть. Где жить — есть. В принципе, какой-то более или менее карьерный рост есть. А там... Ну, не знаю. Может по-всякому жизнь сложиться. (Инф. 3)

Что же касается непосредственно протеста в сквере, проговоренные информантами мотивы носят постматериалистический характер: стремление сохранить зеленые насаждения; эстетические причины (нежелание «видеть кресты» из окна); желание сохранить любимое место для гуляний, тусовок, отдыха; быть услышанным, влиять на ситуацию в городе, показать себя, выразить свою позицию и т. п.

Наконец, очень часто респонденты отмечали, что сами события напоминали фестиваль, тусовку и даже концертную площадку. Для многих участников протест

стал способом творческого самовыражения. Очевидно, что во время борьбы за сохранение сквера формировалась особая коммуникативная среда, сообщество, однако это тема для отдельного исследования с принципиально иными инструментами, главным из которых должно стать включенное наблюдение.

Просто это была хорошая тусовка, там было много людей, там музыка, танцы и песни, пицца бесплатная [смеется]. То есть людям было весело. Вокруг меня людей, которые прям делали какие-то беспорядки, было меньшинство, большинство пришло просто потусить. Весело. Особенно по последним дням это было хорошо видно. (Инф. 5)

Некоторые люди, мне кажется, просто поддались какому-то общественному резонансу, то есть кто-то так же из молодежи пришел просто, как это называется сейчас, похайпиться, сфоткаться с толпой: мы отстаиваем сквер, хештеги, значки, все дела. <...>. То есть какая у них мотивация как бы, с одной стороны, прорекламироваться, а с другой стороны, и поддержать, потому что они тоже часть этого... (Инф. 6)

Несмотря на моменты эскалации протеста, случаи обрушения забора вокруг места строительства храма и задержания участников полицией, в целом атмосферу протеста описывают как доброжелательную. Информантам запомнились примеры творческого самовыражения участников акции в сквере.

Если вы хотите знать о моих ощущениях, такая молодежная тусовка внутри была, была в основном молодежь, хотя были и люди моего возраста. Но в основном молодежь, и они действительно стояли кружками, что-то плясали, танцевали, что-то пели или гуляли. Как-то все это было достаточно спокойно. То есть в тот день, по крайней мере, не было уже никаких попыток что-то сломать. (Инф. 20)

[В последний день протеста] в нескольких местах музыканты выступали, играла музыка, люди пели, то есть что-то было такое вообще... какой-то фестиваль, тусовка. Не было уже ощущения опасности. А сами люди и в первые дни были, мне кажется, очень адекватные, спокойные, то есть с ними было комфортно, благополучно. Не исходило никакой угрозы. (Инф. 19)

В интервью в целом прослеживается образ протестующих как равнодушных горожан, по своей воле пришедших в сквер отстаивать его неприкосновенность. Информанты описывают протест в сквере как мирный, а позицию участников, включая свою собственную, — как искреннюю. Темы справедливости и права голоса в принятии городских решений являются значимыми лейтмотивами интервью.

Заключение

Мы выяснили, что в целом теория постматериализма релевантна при исследовании протестной активности в России. При этом качественная методология ее исследования дает более широкую картину, в рамках которой постматериализм является драйвером протеста, но отнюдь не исключительным его элементом.

На примере протестов в Екатеринбурге мы увидели, что речь должна идти о целой палитре протестных мотиваций, среди которых имеются как «материалистические», так и «постматериалистические». При этом в нашем конкретном случае не играют главной роли. Более того, отчетливо прослеживается прослойка тех, для кого «материалистические» факторы вообще не имеют значения.

По мнению информантов, непосредственная цель протеста — не допустить застройки сквера. В отношении застройки протестующие в целом представляли интересы значительной части горожан [Храм во имя..., 2019]²¹. Однако у каждого информанта было более одного мотива участия, чаще всего упоминалось недовольство невниманием власти к позиции горожан. «Нас не слышат» — один из основных рефренов в корпусе собранных интервью. Власти, прежде всего мэру, вменяется в обязанность способность вступать в диалог с людьми и выражать интересы горожан.

Требование политической субъектности — то, что объединяет этот протест с наиболее исследованными протестами современной России — серией митингов «за честные выборы» 2011—2012 гг. Заявляя свое право на участие в принятии городских решений, информанты позиционируют себя в качестве свободных граждан, выбирающих участие в протесте как единственный из оставшихся способов волеизъявления.

Ощущение единства целей с другими участниками протеста, несмотря на возрастные и социальные различия, описание атмосферы протеста как доброжелательной и творческой — также одна из сквозных тем интервью, позволяющая установить сходство между исследуемым протестом и столичными политическими акциями 2011—2012 гг. [Гладарев, 2012; Ваньке, 2013; Желнина, 2014].

В целом самопозиционирование участников протеста как свободных горожан, не только защищающих сквер от застройки, но и утверждающих свое право на принятие решений на уровне города, позволяет характеризовать их как людей, вышедших отстаивать нематериальные ценности, и сам протест — как постматериалистический. Согласно теории Р. Инглхарта, частота подобных протестов может продолжить расти, даже несмотря на глобальное усиление социального неравенства. Высокая численность протеста в Екатеринбурге в мае 2019 г. и его широкая медийная известность объяснимы с точки зрения растущего интереса людей именно к постматериалистической повестке.

Кроме того, данное исследование показывает, что российским властям при оценке протестов важно учитывать эту нематериальную составляющую. Зачастую в подобного рода противостояниях именно власти выступают «материалистами», оперируя аргументами пользы, материального блага (например, при строительстве Томинского ГОКа в Челябинске). Именно игнорирование ценностной, постматериалистической позиции протестующих со стороны властей приводит к тому, что данные конфликты не удается решить переговорами. Напротив, внимание к ценностям тех, кто ради их защиты готов протестовать, будет способствовать снижению напряженности в российском обществе.

²¹ См. также: Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге // ВЦИОМ. 2019. 22 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9702> (дата обращения: 07.12.2020).

Список литературы (References)

- Бараш Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 100—109. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/109/2012_109_8_Barash.pdf (дата обращения: 08.12.2020).
- Barash R. E. (2012) The Internet as a Means of Self-Actualization and Revolutionary Self-Organization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 100–109. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/109/2012_109_8_Barash.pdf (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)
- Белокурова Е. Старое и новое в дискурсе гражданского общества и характере общественных движений // Неприкосновенный запас. 2012. № 4. С. 60—66. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/84_nz_4_2012/article/18904/ (дата обращения: 08.12.2020).
- Belokurova E. (2012) Old and New in the Discourse of Civil Society and the Nature of Social Movements. *Neprikosnovennyy Zapas*. No. 4. P. 60–66. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/84_nz_4_2012/article/18904/ (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)
- Ваньке А. Коллективное тело протеста // Социология власти. № 4. 2013. С. 79—103. URL: [https://socoftpower.ranepa.ru/files/docs/4\(2013\)/5.pdf](https://socoftpower.ranepa.ru/files/docs/4(2013)/5.pdf) (дата обращения: 08.12.2020).
- Vanke A. (2013). Collective Body of Protest. *Sociology of Power*. No. 4. P. 79–103. URL: [https://socoftpower.ranepa.ru/files/docs/4\(2013\)/5.pdf](https://socoftpower.ranepa.ru/files/docs/4(2013)/5.pdf) (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)
- Вепрева И. Т., Купина Н. А. «Скверная история»: аксиологическая реальность текущего времени в медийном освещении // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 4. С. 6—14. URL: <http://hdl.handle.net/10995/78610> (дата обращения: 08.12.2020).
- Vepreva I. T., Kupina N. A. (2019). “Bad Story”: Axiological Reality of the Current Time in the Media Coverage. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. Vol. 25. No. 4. P. 6–14. URL: <http://hdl.handle.net/10995/78610> (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)
- Гладарев А. С. Градозащитные движения Петербурга накануне «Зимней революции» 2011—2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2012. № 4. С. 29—43. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_03_Gladarev.pdf (дата обращения: 08.12.2020).
- Gladarev A. S. (2012) City-Protective Movements of St. Petersburg on the Eve of the Winter Revolution 2011–2012: An Analysis from the Perspective of French Pragmatic Sociology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 29–43. URL: https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_03_Gladarev.pdf (accessed: 08.12.2020) (In Russ.)

Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011—2012 годов // *Stasis*. 2014. Т. 2. № 1. С. 228—260. URL: <http://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (дата обращения: 07.12.2020).

Zheltnina A. (2014) “Hanging Out”, Creativity, and the Right to the City: Urban Public Space in Russia Before and After the Protest Wave of 2011–2012. *Stasis*. Vol. 2. No. 1. P. 228–260. URL: <http://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/70> (accessed: 07.12.2020). (In Russ.)

Козырев Г. И. Конфликтный потенциал современного российского общества // *Социологические исследования*. 2017. № 6. С. 68—78. <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X>.

Kozyrev G. I. (2017) The Conflict Potential of Contemporary Russian Society. *Sociological Studies*. No. 6. P. 68–78. <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X>. (In Russ.)

Корюкова О. П. Кейс «дискурсы противников и сторонников строительства храма на воде в Екатеринбурге» // 90 лет Викторову Владимиру Петровичу: материалы круглого стола «Религия и религиоведение на Урале», Екатеринбург, 20 октября 2017 года, сборник научных статей и тезисов. Екатеринбург: Деловая книга, 2018. С. 133—141. URL: <http://hdl.handle.net/10995/64738> (дата обращения: 08.12.2020).

Koryukova O. P. (2018) Case-Study “Discourses of Opponents and Supporters of the Construction of the Temple-on-Water in Ekaterinburg”. In: *Papers and Abstracts Digest 90 Years to Viktor Vladimir Petrovich: Materials of the Round Table “Religion and Religious Studies in the Urals”, Ekaterinburg, October 20, 2017*. Ekaterinburg: Delovaya kniga. P. 133–141. URL: <http://hdl.handle.net/10995/64738> (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Магун А. Протестное движение 2011—2012 годов в России: Новый популизм среднего класса // *Stasis*. 2014. Т. 2. № 1. С. 192—226. URL: <http://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/67> (дата обращения: 07.12.2020).

Magun A. (2014) Protest Movement 2011–2012 in Russia: A New Middle-Class Populism. *Stasis*. No. 1. P. 260–295. URL: <http://stasisjournal.net/index.php/journal/article/view/67> (accessed: 07.12.2020). (In Russ.)

Осеев А. А. Социальная напряженность и социальные конфликты в российском обществе: предпосылки, стадии развития и индикаторы // *Социальная политика и социология*. 2014. № 4. С. 69—83. URL: https://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/2014SP/2014SP-1_1481.html (дата обращения: 08.12.2020).

Oseev A. A. (2014) Social Tensions and Social Conflicts in Russian Society: Background, Stage of Development and Indicators. *Social Policy and Sociology*. No. 4 P. 69–83. URL: https://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/2014SP/2014SP-1_1481.html (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // *Вестник Института социологии*. 2015. № 12. С. 100—117. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2015_12/Pantin.pdf (дата обращения: 08.12.2020).

Pantin V. I. (2015) Mass Consciousness in Modern Russia: Cleavages, Contradictions, Conjugations. *Bulletin of the Institute of Sociology*. No. 12. P. 100–117. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2015_12/Pantin.pdf (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 86—96. URL: <http://socis.isras.ru/article/6437> (дата обращения: 08.12.2020).

Petukhov V. V. (2016) Readiness of Russians to Uphold Their Socio-Economic Rights in the “New Crisis Reality”. *Sociological Studies*. No. 11. P. 86–96. URL: <http://socis.isras.ru/article/6437> (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>.

Petukhov V. V. (2019) Civic Participation in Russia Today: Interaction of Social and Political Practice. *Sociological Studies*. No. 12. P. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>. (In Russ.)

Соколов Е. «Вы нас даже не представляете»: формы политического представления протеста // Неприкосновенный запас. 2014. № 5. С. 133—146. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/97_nz_5_2014/article/11141/ (дата обращения: 08.12.2020).

Sokolov E. (2014) “You Don’t Even Represent Us”: Forms of Political Representation of Protest. *Neprikosnovennyj zapas*. No. 5. P. 133–146. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/97_nz_5_2014/article/11141/ (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Соколова А., Головина М., Семирханова Е. «Вы нас даже не представляете»: социальный портрет митингующих в динамике // «Мы не немые»: Антропология протеста в России 2011—2012 годов / под ред. А. С. Архиповой. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 84—122. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/197433028> (дата обращения: 08.12.2020).

Sokolova A., Golovina M., Semirkhanova E. (2014) “You Don’t Even Represent Us”: A Social Portrait of Protesters in Dynamics. In: Arkhipova A. S. (ed.) “We are not dumb”: *Anthropology of Protest in Russia 2011–2012*. Tartu: Scientific Publishing House ELM. P. 84–122. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/197433028> (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Храм во имя св. Екатерины — подарок городу или яблоко раздора? // Социум. 2019. URL: <https://fsocium.com/hram-ekateriny-2019/> (дата обращения: 08.12.2020).

The St. Catherine Temple – a Gift to the City or an Apple of Discord? (2019) *Socium*. URL: <https://fsocium.com/hram-ekateriny-2019/> (accessed: 08.12.2020). (In Russ.)

Buechler S. M. (1995) New Social Movement Theories. *The Sociological Quarterly*. Vol. 36. No. 3. P. 441–464. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1995.tb00447.x>.

- Cameron S. M. (2013) Postmaterialism in Times of Crisis. Prepared for the Panel S09 P290 'Resisting the Markets. Economic Actors and Issues in Global Uprisings From the Middle-East to North-America', European Consortium for Political Research General Conference, Bordeaux, 4–7 September 2013. URL: <https://ecpr.eu/filestore/paper-proposal/82449099-9a96-4739-a2ab-7d665b6c4b10.pdf> (accessed: 07.12.2020).
- Farah B. G., Barnes S. H., Heunks F. (1979) Political Dissatisfaction. In: Barnes S. H., Kaase M. (eds.) *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA, London: Sage. P. 381–407.
- Henn M., Oldfield B., Hart J. (2017) Postmaterialism and Young People's Political Participation in a Time of Austerity. *The British Journal of Sociology*. No. 3. P. 712–737. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12309>.
- Inglehart R. (1977) The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400869589>.
- Inglehart R. (1979) Political Action: The Impact of Values, Cognitive Level, and Social Background. In: Barnes S. H., Kaase M. (eds.) *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA, London: Sage. P. 343–380.
- Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>.
- Inglehart R., Norris, P. (2017) Trump and the Populist Authoritarian Parties: The Silent Revolution in Reverse. *Perspectives on Politics*. Vol. 15. No. 2. P. 443–454. <https://doi.org/10.1017/s1537592717000111>.
- Kriesi H. P., Koopmans, R., Duyvendak, J., Giugni, M. (1995) *New Social Movements in Western Europe. A Comparative Analysis*. Minneapolis, MN: Minnesota Press.
- Quaranta M. (2015) Political Protest in Western Europe. Exploring the Role of Context in Political Action. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-22162-5>.
- Theocharis Y. (2010) Young People, Postmaterialism and Online Political Activism: The Greek Case. Paper presented at the PSA Annual Conference 2009 7th to 9th April 2009, Manchester, UK. URL: <https://www.gpsg.org.uk/wp-content/uploads/2014/06/2009-P1-Theocharis.pdf> (accessed: 07.12.2020).
- Vráblíková K. (2015) Privileged Post-Materialists or Excluded Radicals? Different Pathways of Protest Participation in a Case-Control Study. URL: <http://www.vrablikova.info/pdf/vrablikova-privileged-postmaterialists-or-excluded-radicals.pdf> (accessed: 07.12.2020).